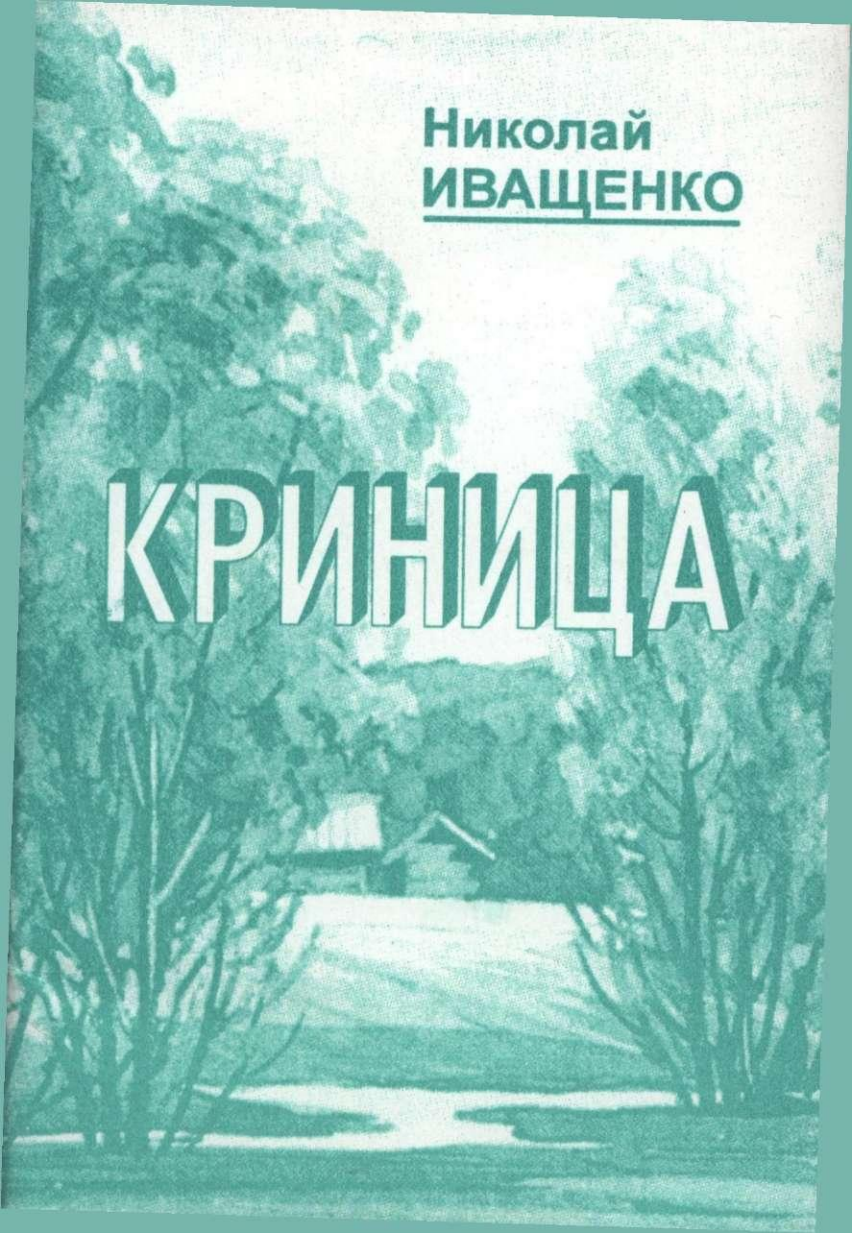
Николай
ИВАЩЕНКО
КРИНИЦА

Николай
Иващенко

КРИНИЦА

Стихи разных лет

Москва
2000 г.

ОБ АВТОРЕ

Иващенко Николай Иванович родился 26 июля 1946 года в поселке Дедовском Новозыбковского района Брянской области. После окончания с золотой медалью средней школы №3 в г. Новозыбкове, затем с отличием Смоленского медицинского института и Ленинградской военно-медицинской академии до 1994 года прослужил в рядах Вооружённых Сил военным врачом. Он автор 110 научных работ по проблемам медицины, 15 изобретений и более 300 рационализаторских предложений, редактор трех сборников научных работ, заслуженный рационализатор и заслуженный врач Российской Федерации.

Стихи начал писать ещё в школьные годы. Его творчество привлекает искренностью, верой в дружбу. Оно полно любовью к людям, своим близким, Родине, природе. Автору небезразлична чужая боль. Стихи его наполнены глубоким смыслом, они просты и задушевны.

Г.И. Цыганок —
заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Память моя

Я буду говорить с судьбой

Когда-нибудь наступит день,
Когда, увидев ночи тень,
Я буду думать о былом,
О том прошедшем—добром, злом,
О том, что раны наносило,
О всём, куда меня носило,
О всём, чем я переболел,
О всём, что сделать не успел,
О тех, кого на свете нет,
И без кого так беден свет,
О том, что мимо пронеслось,
О том, что было и прошло.
Я буду сам себе судьёй
И буду говорить с судьбой—
С судьбою доброю и злой.

1992

Я устал

Я устал,
я хочу полежать на лугу,
Я прошёл столько верст
что уже не могу,
Но боюсь, что, упав,
я не встану опять,
Что, уснув,
я уже не смогу вас обнять.

Столько вёрст и путей
довелось мне пройти,
Столько бед и побед
я успел победить—
Только память моя
бесконечна, как ночь—
Эта память моя,
уносящая прочь.

Я живу, не сплю
в этой жизни ночной,
Я пока еще в силе,
пока я живой,
Только память моя
не дает мне уснуть,
И я часто боюсь
в её снах утонуть.

А друзья мои где-то
в далёкой стране.
Ни беды, ни огня
нету в той стороне.
А у нас всё равно
даже сосны цветут,
У меня на глазах
друзей внуки растут.

Я их детские руки
в ладони беру,
Прикасаясь при этом
к теплу и добру...

1999

...Я снял погоны, я почти доволен,
Я получил все степени свободы,
Но лишь в одном по-прежнему неволен—
Мне снятся госпитальные обходы.

Размеренный режим пятиминуток,
Обходов, перевязок и тревог,
Бессонных, бесконечно быстрых суток,
Когда порой к утру валились с ног.

Но нет дороги в прошлое. Не надо
Себе бездумно душу теребить.
Я был хирургом.
Только был когда-то
И всё хотел бы, может быть, забыть.

Но у меня был пациентом лётчик
С мечтой одной—
ещё хоть раз взлететь
От зелени лугов до самой темной ночи,
Ну а потом—упасть и умереть.

Он умер, одержим своей мечтою,
А я живу, я не приемлю смерть,
Но всё же, люди, я от вас не скрою—
Мне тоже очень хочется
взлететь.

1997

Как-то мама молвила:
Послушай,
Говорила бабушка твоя
Будто бы синички—это души
Улетевших в дальние края.

Прилетают к моим окнам птицы
Желтогрудые, бесхитростно звеня,
И я верю—это не синицы—
Это мама, брат мой и друзья.

1996, 2000

Мужские слёзы

Слёзы, слёзы... Все свои печали
В детстве мы слезами отмечали.

В юности мы плакать не умели—
От стыда и гордости не смели.

Поседев, друзей начав терять,
Научились слёзы мы скрывать.

Почему же слёз не утаить,
Если друг сумел нас напоить...

1995

Одноклассникам

Нам как будто та привиделась весна,
Та, которую мы видим в наших снах,
Здравствуй, детство босоногое моё,
Мы опять сегодня песни запоём.

Наши песни к нам придут издалека,
Будут чистыми и горькими слегка,
Потому что четверть века пронеслась,
В седине, в морщинках отлилась.

Только снова, как когда-то далеко,
Школа встретила знакомым нас звонком.
Здравствуй, юность незабытая моя,
Очень долго торопился к тебе я.

Я к тебе сейчас тихонько прикоснусь,
Но боюсь, что сон,
что я проснусь...

1988

Мине Моисеевне Лапкович

Тётя Мина, милая, родная,
Знаю, что давно ты ждёшь меня.
Я тебе негромко почитаю
Из стихов, что родились, звеня.

Да, звеня, мои стихи рождались
И, звеня, летели к небесам,
Облетев всю землю, возвращались,
Белым снегом липли к волосам.

Знаю я, что каждому на свете
Сиротою велено пожить,
Потому что ни друзья, ни дети
Нам не могут маму заменить.

Потому-то тянет нас в дом друга,
Где жива и так умеет ждать
Тётя Мина, матери подруга...
Я иду к ней вечер коротать.

Февраль 2000

Глаза

Синие глаза,
Волосы на подушке,
Здесь говорить нельзя
Об этой девчушке.

Здесь врачи бледнеют,
Про неё ни слова,
А глаза синеют,
Всё им в мире ново.

А глаза всё просят,
В них один вопрос:
Что за сущность носит
Это слово—лейкоз.

А глаза синеют,
И грустней в палате.
Ну, студент, смелее
К угловой кровати.

А глаза синеют
И хотят узнать,
Почему седеет
Доктор в тридцать пять...

В майской ясной кипени
Закупался сад,
Но, прощаясь с липами,
Всё грустнее взгляд.

Отцветал тем месяцем
Наш больничный сад,
А глаза не светятся,
Больше не горят.

Суждено по свету
Долго мне ходить,
Но палату эту
Не дано забыть.

1967

Слава

Он шёл к тебе, мой отчий край,
Через бои и переправы,
И ты теперь его встречай,—
Свою измученную славу.

Он шел и падал, мок и мёрз,
И тяжек был тот труд кровавый.
Он землю грыз, бежал и полз,
Но им там было не до славы.

Он видел смерть лицом к лицу,
Он видел мерзость запустенья,
Он знает цену подлецу
И знает цену вдохновенью.

Тебе расскажет он, как шёл
С ним рядом русский парень Слава,
Но вместо славы смерть нашёл
В боях за Вислу и Варшаву.

Про плен расскажет он тебе,
Где он прошел все муки ада
И где наперекор судьбе
Он видел в снах цветенье сада.

Он знает: некому встречать
Его с дороги этой горькой,
И нет дороги той, где мать
Жила в домишке на пригорке.

Но на́до жить. И сеять жито.
Рубить дома, а в праздник пить
За тех, умерщих и убитых,
Кому не довелось пожить.

Но память горькая солдата—
И нет покоя много лет
От той войны, семижды клятой,
От поражений и побед.

И он живёт. И сеет жито.
Он рубит дом. Растит детей.
За тех солдат, в земле зарытых
И за пропавших без вестей.

И только б раз увидеть хату,
Мать у раскрытого окна...
Но нет туда пути солдату—
Была война. Его война.

1965

Родина моя...

Когда становится невмочь,
Когда беду переживаю,—
Я в этот город приезжаю—
Он только может мне помочь.

Я вырос тут среди лесов.
Среди серебряных разливов
И соловьиных переливов,
И буйный кипени садов.

Да, мы разъехались по свету,
Доверившись своей судьбе...
Я тайно признаюсь себе,
Что совершил ошибку эту...

1998

Болен я раздумными ночами,
И мне часто снится по ночам,
Что иду босыми я ногами
По июньским праведным лугам.

Будто росным шёлком я опутан,
А над речкой стелится туман...
Почему ж покой такой минуты
Наяву мне навсегда не дан...

Потому, что, оторвавшись где-то
Далеко, давно и навсегда,
От родного места, я по свету
Столько находился, что беда...

Мне б вернуться в детство—босоногим,
С чубом, буйно кинутым назад,
Мне б соседке Нинке-недотроге
Заглянуть в зелёные глаза...

Потому-то в городской квартире,
В тишине, звенящей—хоть кричи,—
Одинокий в этом сонном мире,
Я лежу, пробуженный, в ночи.

1996

Дуб

Один он стоит в раздолье
Которую сотню лет
И видно, что любит он волю,
Да так, что вольней его нет.

Никто не считал его годы,
А он укрывает собой
Бегущих от непогоды,
Даёт им приют и покой.

Был так же, как он, одиноким
Быть может, и старец древний,
Что здесь, под дубом высоким
В вечном покое дремлет.

А может, он старым и не был,
Был юноша—молод и смел,
С глазами июньского неба—
Любовь пережить не сумел...

1966

Россия-матушка, укрытая снегами,
Россия-мать, умытая слезами,
Не ведая покоя, не спала.
Всегда чуть-чуть голодною была.

Тебя топтали с запада и с юга.
Ты никого на помощь не звала,
А, замирившись, верною подругой,
Сестрою старшей, матерью была.

Всю жизнь тебя и грабили и били,
А ты делилась хлебом и умом.
Тебя ценили, хоть и не любили.
Не потому ли беден так твой дом...

1990

Я с тобой

Уводила дорога
За моря и леса,
От родного порога
Я летел в небеса.

Вышина невесома,
И я с той вышины
Видел крытый соломой
Дом среди тишины.

Уводила дорога,
На краю был земли,
Но щемила тревога
В чужестранной дали.

Нас крутило и било,
Нелегко нам жилось,
И нигде на чужбине
Места нам не нашлось.

Я держусь пока прямо,
Затерявшись, найдусь.
Я с родимою самой,
Я с тобой, моя Русь.

1988

Поэтом никогда я не был,
Но им, наверно, становлюсь,
Когда смотрю в родное небо—
Всем сердцем я его люблю.
Мне дорог блеск ручья лесного
С жемчужным холодом воды.
Пусть в жизни прожил я немного,
Но навсегда твои цветы
Я полюбил, мой край родимый,
За прелесть нежной простоты...
А сердцу моему так надо
О том, что думаю, сказать,
Пройтись весной цветущим садом,
Берёзки белые обнять,
Обнять, щекою к ним прижаться
И рассказать им обо всём—
О думах, что в тебе теснятся,
О сокровенном и больном.

1966, 1978

Криница

Вспоминаем мы в краю чужом
Старый и родной наш отчий дом,
Где весной в садах нам пели птицы,
Подпевала им, журча, криница.

Ты, Король-криница, мне журчал,
Ты меня баюкал и качал,
Ты живой водой меня поил,
Ты меня всегда к себе манил.
Ты течёшь ручьём лугами росными,
Серебром-водой под небом звёздным,
Напои водой, меня умой,
Ты мне песню спой и успокой.

Долгою была моя дорога,
Много исходил и видел много,
Только лучше края не нашёл,
Ты прости, что долго к тебе шёл.

Ты, Король-криница, мне прости,
Ты живой водою угости,
Из-под вербы старой ты бежишь,
Видно, камням сказку говоришь.
Благодарен я своей судьбе,
Что она вновь привела к тебе,
Что я вновь домой к себе пришёл,
Что к тебе дорогу я нашёл.

Я уйду опять в свой дальний путь,
Дом мой отчий, сына не забудь.
И я знаю, что в конце пути
Должен я к тебе, мой дом, придти.

Ты, Король, слезою заблестишь,
Край родной, ты сыну всё простишь.
Вырасту я клёном молодым,
А над домом виться будет дым.
И дороги внуков разведут,
Только верю я—они придут,
А Король—такой же молодой—
Внуков напоит живой водой.

1985

Лес мой, лес—родный батюшка,
Укачай, убаюкай меня,
Речка добрая—моя матушка,
Спой мне песню, тихо звеня.
Ах, дорога моя деревенская,
Увела ты меня, увела,—
На такую тоску вселенскую
И на вечную грусть обрекла...

1985

Сельская дорога

Запахали дорогу на кладбище,
Забросали дорогу зерном.
Так что ешь каравай и радуйся,
Вспоминай тракториста добром.

Тракториста, что делал подёнщину.—
Не хозяин, не пахарь, а так...
Может, парень еще и не конченный,
Просто чуточку, может, чудак.

Только, вишь, незадача какая:
Хоронили в селе мужика,
Его гроб на руках, спотыкаясь,
Понесли, чертыхаясь слегка.

Через хлеб, уже вышедший в колос,
От дороги на старый погост.
Голосила во весь вдовий голос
Жёнка, раньше не знавшая слёз.

По Алёшке вдова голосила,
Что дитя сиротой оставлял,
И у Бога прощенья просила
Для того, кто дорогу пахал.

На поминках, как все, и не боле,
Поминал тракторист мужика.
Он не помнил про хлебное поле—
Чудаком был и пьяным слегка.

1988

Не тебя, мою первую взрослую боль,
До сих пор я в ночи иногда вспоминаю,
А черемуху, что нам дарила с тобой
Пьяный запах лесного цветущего мая.
Я любил не тебя. Не тебя я встречал,
А встречал я зелёное буйное лето,
И не ты была тем, по чему тосковал,—
Тосковал я по летним хрустальным рассветам.
Не твоя серебрилась в полночи слеза,
Не тобой, такой юной, не мог я напиться,—
Я в любви признавался прозрачным лесам,
И по соснам стекала слезою живица.

1975

Отлюбилось, отболелось, отстрадалось
И настала осени пора.
Может быть, мне только и осталось
От полночи дожидать утра.

Пролетели годы удалые,
Словно порох, вспыхнув вкоротке,
Но дела да волосы седые
Не дают упасть стихов строке.

Может быть, мой путь уже недальний,
Может быть, на что ещё гожусь,
Но длинён в церквях мой поминальник,
И звонков издалека боюсь.

Я боюсь, что снова повторится,
Круг друзей уменьшится опять,
В фотографиях останутся их лица,
И опять ночами мне не спать.

1998

Я на судьбу не клевещу
И, от рождения не хлипкий,
Я, признавая все ошибки,
Им оправданий не ищу.

Я рос, взрослел, дружил, влюблялся,
Не прятал радости и гнев,
И, в жизни многое успев,
В пути я много ошибался.

Но рад тому, что путь неровный
Я не мостил асфальтом лжи.
Я рад, что сделал свою жизнь
Нелёгкою, но полнокровной.

Я счастлив, что тогда весной
Под сенью трепетной тревоги
С тобой я встретился в дороге—
С моей несбывшейся судьбой.

Любовь и нежность, и разлуки,
И трепет женских рук узнав,
Любить и помнить не устав,—
Боготворю я женщин руки.

1983

Ещё раз прикоснуться...

Погоди, моё время

Погоди, моё время, постой,
Не спеши отправлять на покой,
Тишиною меня не дави,
Ещё раз прикоснуться к любви,
К моей песне неспетой позволь,
Мне прости мою давнюю боль.

Без неё ведь, испитой до дна,
Наша жизнь на земле холодна.
Кто не пел, не терзался, не ждал,
Не страшился потерь, не бежал,
Не горел, не желал, не любил,—
Тот не жил,
Мне поверьте, не жил.

Почему же сейчас, к сорока,
Такой грустной выходит строка...

1986

Девчонке в библиотеке

Как посмотришь искрами синими—
Всё внутри, как огнём, обожжёшь,
И готов идти за ними я,
За тобою, куда не пойдёшь.

Ах, девчонка, девчонка, зачем ты
Ни с того, ни с сего вдруг встретилась,
Покорила хорошим чем-то,
Взглядом ласковым мне ответила?

Что такого вдруг в этой чёлке,—
Я сержусь, сам себя кляня,
Ах, девчонка ты, девчонка,
Однокурсница ты моя!

1964

Другу

Могло ж такое вот с тобой случиться—
Судачили соседки: «хулиган отпетый!»—
И вдруг весной пришла пора влюбиться,
Да ещё как—влюбиться без ответа.

Стихи писал и напивался в доску,
Готов был ненавидеть род людской
Узнав, как вместе с ней,—
смазливо-броский,—
Смеялся над твоим письмом другой.

А ты—ты зубы сжал в обиде,
Как будто в кандалах зажал себя.
И ни один на свете человек не видел,
Какая боль измучила тебя.

1968

Лёнькина любовь

Всё было просто и серьёзно,
Потерянно и пусто было,
Когда он понял, что уж поздно,
Что всё былое ты забыла.

Прощайте, добрые надежды,
Остался он с самим собой.
Ты знала, что, в любви невежда,
Он жил лишь встречами с тобой.

Пока с тобою друг мой не был,
К нему другие дни пришли.
И снова слышу я, как в небе
Кого-то кличут журавли.

1968

Не гони меня

Не гони меня,
не гони,
Всё равно сам уйду я прочь.
В этом мире сейчас мы одни,
И всю Землю
укрыла ночь.

Но сегодня такая ты
По-чертовски
красива и зла,
Что пришлось даже ласкам стыть
В глубине твоих карих глаз.

И не вижу я в них добра,
Просто хочется
волком выть.
Вот бы солнышко всё собрать
И весь лёд в тебе растопить.

И была чтоб весна-весна,
И была б ты ко мне добра...
Я хочу, чтоб никто не знал,
Что сегодня терплю я крах.

Ты ведь знаешь,
ты знаешь всё,
Как надеялся я и ждал,
Как к тебе сквозь полмира шёл,
Хоть и всю бесполезность знал.

Не поймёт нас с тобою дочь.
Не поймут нас свечей огни.
В эту стылую нашу ночь
Не гони меня, не гони.

Просто не получилось у нас,
Убежало хорошее прочь.
И не наша вина, что сейчас
Между мной и тобою ночь.

1972

Вокзал

Осталось мало шансов
На диалог с тобой,
Притих вокзал Оршанский,
Уходит поезд твой.

Твои глаза всё суше
В предчувствии пути.
Ох, не спеши, Танюша,
Ты от себя уйти.

Ведь НАШЕ—не забудешь,
Года—не зачеркнёшь,
Наверное, полюбишь,
За кем-нибудь пойдёшь.

Но вот сейчас средь ночи
Нас поезд породнил.
Я знаю—ты не хочешь,
Чтоб поезд уходил.

Глаза твои с грустинкой,
В моей—твоя рука,
А звёзды, как слезинки,
Не катятся пока.

1967

Не сберёг я тебя, не сберёг,
Таковы, видно, судьбы слепые,
Может быть, к себе был слишком строг
В те далёкие дни молодые.

Может, просто нас бог оградил
От смиренной постылости буден
И со всей щедротой одарил
Тем, что путь наш был долог и труден.

Только бога молил я мальчишкой,
Чтоб дорога закончилась та,
Не была чтобы долгой уж слишком,
Не была чтоб за ней пустота.

Но не мною тогда ты болела,—
Это знал, понимая тебя,
Отболела душа, отскорбела,
Нагулялся, потешил себя.

Был силён я, был
неосторожен,
И дела были мне по плечу,
Только в твой день рожденья всё же
За тебя ставил в церкви свечу.

1992

Если я тебе не напишу,
У тебя ответ не попрошу,—
Значит, я ушёл куда-то вдаль,
Унося и ласку, и печаль.

Если номер твой не наберу
И во сне явлюсь тебе к утру,—
Значит, где-то очень далеко
Мне уже покойно и легко.

Если где-то в дымке голубой
Я явлюсь, нарушив твой покой,—
Значит, я храню тебя—мою
И тебе любовь мою пою.

Если боль придёт к тебе во сне,—
Постарайся вспомнить обо мне,
И, быть может, в этот миг поймёшь,
Что ты этим боль мою берёшь.

Только где-то в памяти своей
Сохрани тепло тех наших дней,
Белизну сирени до небес,
Город нашей юности и лес.

Этот город нас с тобой встречал,
Ссорил и мирил, и разлучал.

Приходи ко мне,
приходи,
Приходи хоть в конце
пути
И налей мне вина,
налей,
Чтобы было оно
горячей.
Расскажи-ка мне,
расскажи
Как ты прожила
эту жизнь,
Почему в этой жизни
большой
Ты осталась такой...
Не такой.

Деревенская встреча

Догорает свеча, чуть колеблется пламя.
Тишина и покой. За окошком зима.
И метель потихоньку заносит снегами
Ту тропинку—по ней ты ходила сама.
Да, сама ты ходила вот здесь, среди леса,
Я не верил, не ждал, но среди тишины
Прошумела машина, и хлопнула дверца,
И ты вышла, войдя навсегда в мои сны.
Как из снов ты явилась такая живая
И такая красивая, просто беда...
Чуть печальная, добрая, чуть-чуть седая,
Но глаза были те же, что были тогда.
Я стоял и молчал, опаленный весною,
Что ворвалась к нам вдруг в середине снегов...
Ты пошла ко мне в дом, постояв под сосною,
Попросила читать что-нибудь из стихов.
Я стихи ей читал, как следы по пороше,
Она слушала их, и горела свеча...
«Я еще раз хотела их слышать, но все же
Зря, любимый, тогда ты рубил так, сплеча».
Улыбнувшись чуть горько, пошла по тропинке,
Обернулась, махнув исхудавшей рукой,
Обернулась ещё; я увидел слезинки,
И я понял, что так обретают покой.
Догорает свеча, я тушу её рано,
Не даю ей сгореть, чтобы вновь зажигать
В те минуты, когда заболит моя рана,
А пурга злой тоскою начнет донимать.

1999

Разное

...А все прошло. И улетели
И март, и первая весна,
Отпели синие метели
И ночи сладкие без сна.

А чьи-то жёны нас ласкали,
Нас, неженатых, молодых
И сладким ядом отравляли
В постелях душных и чужих.

Мы, уходя от них с рассветом,
Боясь кого-то повстречать
В подъездах гулких и без света
Старались дверью не стучать.

Мы уходили и не знали,
Что в жаркой, сладкой той тиши
Нас, молодых, обворовали—
Украли чуточку души...

Признание

Я пишу стихи неласково,
В них ругаюсь часто
И скандалю я,
Знаю, что характер мой не ангельский,
Потому и не гонюсь за славою.

Я пишу для чтенья личного,
Без прикрас пишу и без бравады.
Если правда—даже неприличная,—
То в моих стихах осталась правдой.

Для себя пишу, а не для публики,
Чтобы через сорок лет их взять
И, желудок полня чаем с бубликом,
Про свою про молодость читать.

1968

Дачник

Лениво мысли бродят в голове,
Трещит огонь внутри горящей печи.
На даче я. На даче—не в Москве,
Ни совесть, ни дела не давят плечи.

Приехал я. Отшельник Тимофей
С ухмылкою мяукает с крыльца.
Теперь ему намного веселей,
Хоть он наглец, но жалко стервеца.

А хорошо, что тут совсем один,
Что сыновья с невестками не едут,
Что мыслям я своим сам господин,
И сам с собою я веду беседу.

Когда один—то откровенен я.
Не надо быть столпом, семьи опорой.
А что семья—ведь это семь раз я,
Вдобавок все со мною спорят.

Пора. Пора. В парилке сотня есть.
Ах, баня-банька, ты моя награда,
Любовь моя, и совесть ты, и честь,
По жизни же—последняя услада.

Но что-то свет машины издали
Мне темноту нарушил так некстати.
Эх, едут сыновья. Невесток привезли.
Прощай покой.

Опять я свёкор-батя.

1999

Намёк бывшему начальнику

Эх, сколько тратим мы труда
И сил, и нервов, и эмоций,
Когда ведём свои суда
Без маяков, без карт и лоций.

Насколько тяжелее он—
Тот путь слепой по волнам жизни,—
Но забываем мы закон,
Что наверху один лишь трон,
Но многолюден ярус нижний.

И вот мы лезем вверх и вверх,
Работая в толпе руками,
Торопимся быть выше всех,
Спешим, не замечая сами,
Что уж облеплены грехами.

Нам надо вверх—там власть и сила,
Там трон, там виден целый свет!
Сюда гордыня нас манила,
И вот ты там.
А трона нет.

И вдруг обида накатила—
Куда ты полз, куда ты лез,
Зачем заставил тратить силы
Твоей гордыни чёрный бес,—
Шепнувший в ухо: «Ты—подлец».

1986

Я соткан весь из горечи и боли,—
Немудрено—я столько повидал.
Но я хочу, чтоб кто-то средь застолья
Мои стихи негромко почитал.

Да, я непрост был в молодости давней,
О многом слишком, видимо, мечтал,
Но я хочу, чтобы весною ранней
Мои стихи мальчишка прочитал.

Да, я неправым, видимо, был часто,
Наверно, гордость не туда вела,
Но хочется, чтоб в счастьи и несчастьи
Мои стихи девчонка поняла.

Я знаю точно—в мире все непросто,
Добро и зло мир делит пополам.
Но я хочу, чтоб жили все лет по сто,
И чтоб стихи в том помогали нам.

Я знаю—чтобы в жизни быть с достатком,
Положено быть проще и хитрей.
Но я хочу, чтоб кто-нибудь в тетрадку
Списал стихи из книжицы моей.

И пусть друзья поймут меня и дети,—
Я всё не только для себя писал.
Я так хочу, чтоб кто-нибудь на свете
От них умнее и добрее стал.

Январь 2000

СОДЕРЖАНИЕ

• Память моя
Я буду говорить с судьбой 4
Я устал 5
«Я снял погоны, я почти доволен...» 7
«Как-то мама молвила: Послушай...» 8
Мужские слезы 8
Одноклассникам 9
Мине Моисеевне Лапкович 10
Глаза 11
Слава 13
• Родина моя
«Когда становится невмочь...» 15
«Болен я раздумными ночами...» 16
Дуб 17
«Россия-матушка, укрытая снегами...» 18
Я с тобой 19
«Поэтом никогда я не был...» 20
Криница 21
«Лес мой, лес—родный батюшка...» 22
Сельская дорога 23
«Не тебя, мою первую взрослую боль...» 24
«Отлюбилось, отболелось, отстрадалось...» 25
«Я на судьбу не клевещу...» 26
• Ещё раз прикоснуться...
Погоди, моё время 27
Девчонке в библиотеке 28
Другу 29
Лёнькина любовь 29
Грустная песня 30
Стихи для романса 31
Не гони меня 32

Вокзал 34
«Не сберёг я тебя, не сберёг...» 35
«Если я тебе не напишу...» 36
«Приходи ко мне, приходи...» 37
Деревенская встреча 38
• **Разное**
«...А все прошло. И улетели...» 39
Признание 40
Дачник 41
Намек бывшему начальнику 42
«Я соткан весь из горечи и боли...» 43